

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1950 – Н.1960-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Грищенко И. А.

*(Гомель, Гомельский государственный
технический университет им. П. О. Сухого)*

По окончании Великой Отечественной войны церковно-государственные отношения в СССР заметно улучшились: епархиальным управлениям, приходским общинам предоставили ограниченное право юридического лица, был разрешен колокольный звон, некоторые послабления получили монастыри, возобновили набор духовные семинарии и академии. Позитивные перемены для Церкви во многом объясняются расчетом сталинского руководства на усиление своих позиций на международной арене с использованием внешнеполитического потенциала Московской Патриархии.

Однако принципиальная позиция советского руководства в отношении религии оставалась неизменной: до смерти И.В. Сталина ни один новый православный храм официально не был разрешен. С конца 1940-х гг. происходит массовое изъятие церковных зданий под клубы, школы и другие объекты. Были запрещены службы вне стен храма, чинились препятствия в проведении крестных ходов и водосвятия, было ограничено передвижение священников по населенным пунктам, участились случаи арестов и снятия с регистрации наиболее активных священников и архиереев, закрывались обители, сократилось число абитуриентов в духовные семинарии и академии.

Так, за 1950 г. в Гомельской области количество молитвенных домов и церквей уменьшилось на 5 единиц. Как правило, снятие с регистрации священника влекло за собой закрытие церкви. Типична была ситуация с церковной общиной д. Быч Кормянского района. Священник перевелся на другой приход, молитвенный дом, несмотря на недовольство верующих, был снят с регистрации, а власти могли отрапортовать, что Кормянский район теперь является бесцерковным [1, л. 1]. В д. Свиридовичи Речицкого района после изъятия помещения молитвенного дома богослужения не проводились десять месяцев. Молитвенный дом был снят с регистрации.

Община верующих несколько раз и безрезультатно обращалась с жалобами и в Совет по делам религии, и к архиепископу о возврате им изъятого помещения [1, л. 2]. 23 октября 1949 г. в Кошелево Буда-Кошелевского района сгорела церковь. Вскоре после пожара священник иеромонах Антоненко уехал в другой приход Гомельской области. Верующие пытались получить страховку в 120 тысяч рублей с тем, чтобы построить себе другое здание церкви или купить помещение под молитвенный дом. В просьбе верующим отказали сославшись на то, что по близости (в Будо-Кошелево) есть другой молитвенный дом. Помещения молитвенных домов с. Нивки Тереховского района и с. Хорошево Добрушского района были переданы школе.

В отчете уполномоченного по делам РПЦ по Гомельской области за 1950 г. отмечалось, что два района (Светиловичский и Кормянский) не имеют церквей и молитвенных домов. Лоевский, Стрешинский, Буда-Кошелевский районы имеют по одному молитвенному дому, Чечерский и Ветковский районы – по 2 церкви, Добрушский, Тереховский, Речицкий, Уваровичский, Гомельский районы – по 5 церквей или молитвенных домов [1, л. 3].

Иногда верующие проявляли инициативу. Так, жители с. Шарпиловка Лоевского района, после безрезультатных обращений к уполномоченному о постройки часовни, которая в их селе сгорела во время оккупации, решили сами ее отстроить. В отчете уполномоченного за 1951 г. было отмечено, что произошло это при попустительстве сельского Совета и местной партийной организации. Верующие на пустыре бывшего старого кладбища наскоро поставили часовню, возвели стену и крышу. Руководил верующими и два раза служил там снятый с регистрации священник Секач. По указу Лоевского райисполкома здание было опечатано. Любопытна уловка тех лет: чтобы выгородить мужчин в этой истории, всю вину на себя взяли женщины, якобы под их давлением мужчины участвовали в строительстве, хотя в большинстве своем они работать не хотели [1, л. 16-33].

Смерть И. В. Сталина и попытка советского руководства, через либерализацию общественной жизни освободиться от тяжелого сталинского наследия, дали верующим некоторую надежду на перемены к лучшему. Однако, Н.С. Хрущев, в рамках борьбы с перегибами сталинской политики, наоборот усилил атеистическую пропаганду. Для Н. С. Хрущева некоторое послабление церкви в послевоенный период – одно из свидетельств отхода И.В. Сталина от ленинского курса построения коммунизма, чем и объясняется новый виток репрессий в отношении духовенства и верующих. Власти были озабочены ростом религиозности в военный и послевоенный период и повышенным интересом к церкви молодежи. Так, уполномоченный по делам РПЦ по Гомельской области В. Лобанов в 1958 г. в своем отчете отмечал, что в Великий пост в

гомельском Свято-Петро-Павловском соборе говело и исповедовалось не менее 200 человек верующих, не считая тех, кто исповедовался у себя на дому. На Пасху 1958 г. все верующие не поместились в соборе и стояли на паперти. Много верующих было в Полесской церкви – порядка трехсот человек в церковной ограде. Много молодежи пришло посмотреть. Даже в сельском Ереминском молитвенном доме, расположенном в 6 км от Гомеля верующих было несколько сот человек [2, л. 56-58].

Методы реализации антицерковной политики советского руководства, а также реакцию верующих можно проследить по отчетам уполномоченного по делам РПЦ, на примере Гомельской области.

Снятие с регистрации священника – самый распространенный и легкий способ закрыть церковь или молитвенный дом. Поводов для этого было предостаточно. На 1 января 1959 г. по Гомельской области на учете состояло 69 культовых зданий: типовых церквей – 33; молитвенных домов – 36. В 1960 г. было снято с регистрации 7 церквей и молитвенных домов. В отчете отмечалось, как использовались снятые с регистрации церковные здания: «Здание Тереничской церкви переоборудовано под школу, а в летний период будет использоваться под детский сад колхоза. Годичевский молитвенный дом – под клуб» [2, л. 19]. Хойникский, Болотнянский, Глазовский молитвенные дома были переоборудованы под детские сады колхозов, Борисковичская церковь передана колхозу. 31 декабря 1960 г. гомельскими властями были направлены материалы на снятие с регистрации и учета 5 церквей и 2 молитвенных домов [3, л. 21].

Верующие на недостаток священства и церковью реагировали тем, что самостоятельно организовывали чтения акафистов, отпевания покойников, приглашали священников с других районов тайно окрестить детей. Уполномоченный по Гомельской области В. Лобанов в отчете писал: «Я получал и получаю сведения от духовенства о том, что во всех районах области во многих деревнях, отдаленных от действующих церквей и молитвенных домов, верующие собираются в отдельных избах, в которых они сами совершают по сути дела церковные службы» [2, л. 13]. Крайнее раздражение уполномоченного вызывают церковные активисты, которых он именует фанатиками, шарлатанами и туеядцами: «В д. Неглюбка Ветковского района проживают всем известный шарлатан Горелик и две бывшие монашки, которые организовали в своем доме молитвенный дом и совершают почти все религиозные обряды, ходят по деревням и в домах верующих служат молебны и за эти услуги берут определенную плату. В Тереховке проживает известная многим жителям этого поселка Софья (фамилию свою она не говорит), которая в колхозе не работает и занимается шарлатанством: ходит по домам верующих и совершает молебны, освещает иконы, за что берет определенную плату. В п. Широком

Липского сельсовета Уваровичского района проживают монашки: Чернявская Ксения Александровна, Шершнева Васса, Миронова Анна, которые на протяжении ряда лет совершали службы в домах верующих и даже освещали куличи на пасху. В д. Михалевка Уваровичского района проживают монашки Чернявские Феодосия, Марфа, Мария, которые занимаются тем же. На радоницу служили на кладбище церковную службу по умершим. Этот религиозный очаг давно существует и оказывает большое влияние на жителей» [2, л. 42-43]. «В д. Холмич Речицкого района проживает гражданка Дремач Е.М., которая в своем доме давно организовала нелегальную келью. В этом притоне собирались из других районов монашки, которые постоянно служили религиозные монашеские «бдения», а какой-то бродячий поп постригал других фанатичек в монашки. Дремач приводит в дом бывшего иеромонаха Щемелева, который крестит там много детей. Этот проходимец Щемелев проживает с 1949 г. в д. Шарпиловка у гражданки Зубчинской Акулины и все это время совершает различные требы в домах у верующих. В д. Чаплино Стародубского сельсовета Лоевского района пожилая женщина фанатичка Безмен Домна Григорьевна все время служит молебны, хоронит умерших. Безмен 21 сентября 1957 г. по случаю большого религиозного праздника «Рождество Богородицы» в доме одной гражданки служила молебен, на который пришли несколько десятков верующих граждан» [2, л. 43-45].

Впрочем, все эти личности требуют тщательного расследования, поскольку не исключена возможность, что образовавшаяся церковная пустыня могла породить авантюристов, выдававших себя за священника. Такой, например, действовал в Брагинском и Комаринском районах [2, л. 46].

В Гомельской области широкое распространение получил обряд переноса иконы-свечи. 19 декабря 1957 г. в д. Васильевка Тереховского района было организовано шествие около 300 человек, которые переносили икону-свечу из одного дома в другой, на другой конец деревни [2, л. 47]. Активное участие в этом обряде принимали монашествующие и священники, несмотря на запреты. До осени 1960 г. в обряде принимали участие священник Ветковского молитвенного дома Анатолий Авхимик (?), священник Ямпольской церкви Василий Зылевич, священник Старо-Белицкой церкви Василий Концевой. Священник Вылевской церкви Добрушского района Вячеслав Дубинин весной и летом 1960 г. систематически разъезжал по деревням района и проводил молебны в домах верующих, где переносили икону-свечу. В октябре 1960 г. Дубинин освятил несколько домов и провел молебны, где находилась икона-свеча в честь праздника «Покров». Дубинин получил строгое предупреждение о снятии с регистрации». Уполномоченный был озабочен тем, что в некоторых местах молебны проводились при большом стечении народа,

указывая, что особенно много таких икон-свечей в Добрушском (117), Гомельском районе (62), Тереховском (б. 50) районах. В результате проведенной органами власти работы многие иконы были изъяты и, в лучшем случае, сданы в церкви [3, л. 25].

Власть особенно настораживали активные священники с безупречной репутацией, завоевывавшие авторитет у верующих. Раздражительный тон прорывается даже на страницах официальных отчетов: «Настоятель второй Гомельской церкви (Полесской) Базылевич Игорь ведет себя нагло и автономно. По его инициативе летом 1957 г. церковным советом подано заявление в горисполком о пристройке крестилки к церкви. Так как в этой церкви имеется пономарка, то горисполком отклонил ходатайство. Базылевич в кругу своих приближенных сказал, что к таким властям он никогда не пойдет унижаться. В течение двух лет Базылевич часто приглашал заштатного священника Толкачева Даниила незаконно служить церковную службу и совершать требы, а сам неделями отдыхал и уезжал в Киев для развлечения, потому что он разбогател в Гомеле» [2, л. 18].

Священникам нельзя было ходатайствовать о ремонте церкви и молитвенного дома, считалось, что это не входит в их функциональные обязанности. «Злоупотреблениям», допущенным настоятелем Гомельской (Полесской) церкви о. Игорем (Базилевичем) посвящена отдельная докладная записка уполномоченного, в которой, в частности, упоминается, что о. Игорь Базилевич (1913 г. р.) прибыл в Полесскую церковь Гомеля в 1949 г. В анкете священник указал, что в 1938 г. он окончил богословский факультет при Варшавском университете. «В 1942 – 44 гг. Базилевич являлся враждебно настроенным элементом против Советской власти, служил у Новогрудского епископа Венедикта, который оказался предателем, бежал с немцами и находится где-то на Западе. За время службы в Полесской церкви Базилевич развернул большую религиозную деятельность среди населения, которое в большом количестве теперь стало посещать эту церковь» [2, л. 48]. Уполномоченного впечатлило, насколько вырос доход Полесской церкви: с 70-80 тысяч рублей в 1949 – 50 гг. до 200 тысяч – в 1957 г.

Характерны формулировки уполномоченного: «В целях привлечения как можно больше верующих в эту церковь ради личной наживы, Базилевич дважды покрасил маслом все стены и потолок в церкви и расписал всю церковь церковной росписью, для чего покупал бочками олифу». Священника власти обвинили в незаконном проведении ремонтных, строительных и реставрационных работ в Полесской церкви. В частности, в 1954 – 55 гг. он провел в церковь центральное отопление, которого никогда не было в этой церкви. «Для устройства такого отопления Базилевич совместно с церковным старостой проходимцем Борисовым покупал незаконным путем похищенное частными лицами

оборудование: трубы, гайки, батареи и даже два котла. Для этой цели было израсходовано около 40 тысяч рублей. Чтобы скрыть это преступление Базилевич достал через спекулянтов евреев фиктивные счета. Базилевич через того же Борисова ежегодно покупал незаконным путем в большом количестве топливо, уголь и дрова. Официальных документов на покупку этого топлива у них нет. В апреле 1957 г. Базилевич через священника Кривско-Гдовской церкви Рогачевского района Потоцкого купил несколько кражей толстых, похищенных кем-то, которые распилили на пилораме комбината стройматериалов в Гомеле. Из этого пиломатериала Базилевич строит большой трехярусный иконостас в церкви. На эти краденые кражи Базилевич так же имеет какие-то фиктивные документы. Через спекулянтов, рабочих торговой сети и строителей Базилевич купил много ценного пиломатериала, который хранится в церковном сарае. Весной того же года Базилевич самовольно и быстро пристроил трехстенку к небольшому дому, находящемуся в черте церковной ограды по ул. Д. Бедного, в котором проживает второй священник этой церкви Ненадкевич Борис» [2, л. 49-50].

Осведомитель уполномоченного – регент Полесской церкви Дроздов Прохор Николаевич – доложил, что Базилевич купил несколько тысяч штук кирпича, похищенные неизвестными ему лицами из кирпичного завода. Когда Дроздов сообщил об этом начальнику 4-го отделения милиции Караулову, тот предупредил Базилевича, и священник за одну ночь спешно сделал из этого кирпича две печи и остался безнаказанным. По мнению Дроздова Базилевич подкупил Караулова. Дроздов также донес о сокрытии священником Ненадкевичем дохода, который не облагается подоходным налогом. Уполномоченный, опираясь на эти факты, ходатайствовал о привлечении Базилевича к уголовной ответственности или снятии его с регистрации [2, л. 51].

Аналогичная ситуация сложилась с молитвенным домом в Лоеве. Священник Петр Латушко, который служил тут с 1951 г., привел молитвенный дом в порядок. «В 1952 г. самовольно расширил молитвенный дом на 35 м² и довел его до 100 м². В 1955 г. Латушко пристроил с боку алтаря капитальную пристройку (пономарку). Кроме того, Латушко незаконным путем достал кровельное железо, покрыл крышу молитвенного дома. Приобрел много церковной утвари» [2, л. 62]. Уполномоченный, на свой запрос о снятии с регистрации священника, получил от Совета по делам РПЦ отказ. В лоевский молитвенный дом приезжали верующие из деревень, расположенных за Днепром на территории Украины. Уполномоченный в отчете отмечал активность священника, который систематически разъезжал на мотоцикле по району и совершал требы на дому у граждан. «Церковную службу и образ жизни он ведет так, что

верующие не нахватаются им и жертвуют много сельхозпродуктов, хотя у него имеется своя корова, держит свинью и кур. В 1951 г. доход его прихода составил 41 297 рублей. В 1957 г. – 47 511 рублей. Но в эти доходы не входит личный доход за требы» [2, л. 62].

«Настоящим мародером и оголтелым церковником» называет уполномоченный священника Ямпольской церкви Речицкого района Василия Зылевича, который служил в этой церкви с 1954 г. В вину ему ставилась активность по организации прихода: «В 1956 г. при помощи церковного актива собрал 30 тысяч рублей, на которые покрасил церковь и внутри, и снаружи, и сделал новый фундамент». С досадой отмечается «высокий уровень службы и проповедей» о. Василия Зылевича [2, л. 64].

В Кравцовском молитвенном доме с мая 1957 г. начал свое служение, тогда еще семинарист, священник Василий Тур (1930 г. р.). Харизматичность молодого священника была отмечена в отчете уполномоченного: «Читает проповеди, внушая отсталой части населения всякую религиозную ерунду. Верующие довольны им и помогают материально. Активизировалась посещаемость церкви». Чтобы минимизировать влияние о. Василия, молитвенный дом, якобы в целях противопожарной безопасности, решено было перенести с центра деревни на ее окраину. «В разборке и переносе на себе дома участвовало порядка 200 человек, среди них было много мужчин, и все они работали бесплатно» [2, л. 68-69].

Отмечалось так же сильное влияние и умелая деятельность священника Рогачевского молитвенного дома Вадима Петельского (сын опытного священника), который за требы платы не брал, службы вел умело. Имея хорошую певческую подготовку, создал хороший хор. «Спокойный, общительный, нравится людям. Собрал средства, купил старый дом с трехстенком на отшибе, который переоборудовал для молитвенных целей, купил старый домик под квартиру для себя. Годовой доход в 1956 г. – 26 920 рублей, в 1957 г. – 29 тысяч рублей» [2, л. 69].

Власти старались всячески дискредитировать духовенство в глазах населения. Довольно трудно судить, только по отчетам уполномоченного, насколько правомерны были обвинения в адрес священников. Но показательна сама реакция властей. Отмечалась, например, неприязнь верующих к священникам из западных областей. Так в Речице к священнику Ревинскому не идут на исповедь только потому, что он бритый и курит. Поступали жалобы на настоятеля Гомельского собора протоиерея Кротта за то, что он много берет за требы [1, л. 21]. Священника Шарпиловского молитвенного дома Лоевского района Концевого Василия обвинили в присвоении 5 тысяч рублей от продажи дома. Церковный совет летом 1956 г. купил большую избу под квартиру Концевому. Концевой купил избу поменьше ближе к молитвенному дому, а ту избу продал. О. Василий

Концевой был переведен на должность священника Старо-Белицкой церкви Гомельского района [1, л. 16]. Священник молитвенного дома Хойник Александр Гринев пьянствовал, но доход довел с 13 до 17 тысяч рублей. По жалобе в Минскую епархию его убрали с прихода [2, л. 6]. В марте 1957 г. в Хойники был прислан молодой молодой священник Иосиф Рынкевич (1925 г. р.), досрочно выпущенный из семинарии. Уполномоченный характеризует его «фанатиком и целибатом», активизировавшим работу с населением. О. Иосифа хвалили как хорошего батюшку. Но на него верующие соседи написали митрополиту три заявления с обвинениями в разврате. Рынкевич постоянно разъезжал на велосипед и маршрутном автобусе по району и совершал требы на дому. Брагинский благочинный Рымашевский сказал, что Рынкевич слишком рьяно взялся за дело и начинает допускать глупости. Но посещаемость молитвенного дома повысилась. Доход за 1957 г. составил 30 тысяч рублей [2, л. 7].

Затянувшийся конфликт в среде священников Свято-Петро-Павловского собора г. Гомеля всячески использовался властями в деле антицерковной пропаганды. Часть духовенства, выходцы из Западной Беларуси, попытались сместить настоятеля собора. Ситуацию на время улучшил уважаемый в Гомеле священник о. Василий Копычко [2, л. 10-11]. Власти вмешивались в церковную жизнь самым бесцеремонным образом. 12 июля 1960 г. по случаю храмового праздника в гомельском Свято-Петро-Павловском соборе должна была состояться торжественная служба. Предполагалось участие многих приходских священников и ожидался приезд митрополита Гурия. Но властями было сделано все необходимое, чтобы митрополит не приехал и мероприятие было сорвано. 30 октября 1960 г. в Свято-Петро-Павловском соборе Гомеля была отслужена последняя перед закрытием собора Божественная Литургия. Собор сначала превратили в музей, позже в планетарий.

На 1 января 1961 г. на учете по Гомельской области состояло 62 культовых здания: церквей – 30, молитвенных домов – 32 [3, л. 21]. Среди нарушений, допущенных духовенством в 1960 г. уполномоченный отметил массовое крещение детей по деревням в частных домах, перенос икон-свечей, службы под открытым небом и в частных домах, попытки присвоения духовенством причтовых домов, приобретенных религиозными общинами, отправление треб заштатным духовенством, проведение торжественных служб в церкви в дни больших церковных и храмовых праздников. Массово крестили детей: Мисеюк Евгений (Ельская церковь), Попович Андрей (Носовичский молитвенный дом). Разъезжали по деревням и крестили: Пыск Никифор (Шиховский молитвенный дом), Пичук Петр (Глазовский, Уваровичский молитвенные дома), Джасов Тихон, Михалюк Михаил, Гапанович Антон (Приболовичская церковь,

Лельчицкий район), Невмержицкий Илья (Буйновичская церковь, Лельчицкий район) [3, л. 22]. За нарушения были сняты с регистрации Андрей Попович (29 августа 1960 г.), Никифор Пыск (7 октября 1960 г.). Остальные получили серьезное предупреждение.

Под нажимом властей 11 августа 1960 г. митрополит Минский и Белорусский Гурий издал указ за № 1463, после чего массовое крещение детей по деревням прекратилось. Правда была для священника уловка: разрешалось крещение на дому священника, что широко практиковалось. В отчетах уполномоченного отмечены имена священников, крестивших у себя на дому: о. Серафим Серафимович (Демеховский молитвенный дом), о. Филимон Корбатенко (Василевичский молитвенный дом), о. Василий Тур (Кравцовский молитвенный дом), о. Вячеслав Дубинин (Вылевская церковь) [3, л. 24]. В таких церквях как Мозырский собор, Речицкий молитвенный дом, Петриковская и Туровская церкви имелось по 2 священника, что давало возможность духовенству разъезжать по деревням для совершения крещений [3, л. 23].

Священникам были запрещены подворные обходы в дни больших праздников и службы под открытым небом. Но отчеты изобилуют фактами нарушений. В Шарпиловке бывший священник молитвенного дома Петр Ефременко (иеромонах Пионий) с водосвятием обошел более 100 домов, священник Тульговичского молитвенного дома Хойникского района Иван Бурлий обошел 18 домов, священник Н-Барсуковского молитвенного дома Речицкого района Григорий Чабановский - более 60 домов [3, л. 26]. «Бывший священник Тереничского молитвенного дома Уваровичского района иеромонах Михаил Таптухин после службы с толпой, с хоругвями и иконами пошел по деревне и у общественного колодца отслужил молебен по водосвятию. Бывший священник Ямпольской церкви Речицкого района Зылевич Василий в июле 1960 г. выехал в д. Липняки Лоевского района и отслужил молебен по случаю засухи».

За систематическое нарушение советского законодательства о культах были сняты с регистрации священник Шарпиловского (приписного) молитвенного дома, иеромонах Пионий (Петр Ефременко), священник Старо-Белицкой церкви Василий Концевой, священники Михаил Таптухин и Василий Зылевич. За опальных священников начали ходатайствовать верующие. Уполномоченный такую активность приходов объяснил обработкой малоустойчивых лиц из числа верующих священниками. Так, за иеромонаха Пиония от жителей Шарпиловки поступило шесть жалоб и заявлений с просьбой оставить его на приходе [3, л. 33]. Всего за 1960 г. с регистрации было снято 7 священников. 42 священника и 1 диакон были предупреждены [3, л. 29].

Болезненно реагировали власти, когда к ходатайству за священников

подключались члены КПСС, как в случае с о. Василием Концевым. Токарь Гомельского станкостроительного завода им. Кирова, член КПСС Демьянчиков Владимир Георгиевич дважды приходил на прием к уполномоченному и принес четыре заявления, подписанные верующими всех деревень Старо-Белицкого прихода, за что 23 декабря 1960 г. он получил строгий выговор при разбирательстве его персонального дела на партсобрании первичной парторганизации завода [3, л. 33-34].

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». В рамках этого постановления к наблюдению за выполнением законодательства о культах привлекались местные органы власти. Теперь разрешалось закрывать молитвенные здания по решению областных (краевых) исполкомов, при согласовании с Советами по делам РПЦ и религиозных культов, минуя Совет Министров союзных республик. Это ускорило процедуру ликвидации храмов. В 1961 г. в СССР было снято с регистрации 1390 православных общин, в 1962 г. - еще 1585 [4, с. 378]. В Гомеле в начале 1960-х гг. были уничтожены не действовавшие, но представлявшие культурно-историческую ценность Преображенский храм и Свято-Георгиевская церковь. Вплоть до смещения Н.С. Хрущева проводилась планомерная работа по ликвидации всех религиозных организаций. Несмотря на колоссальный прессинг, Русская Православная Церковь выстояла, продемонстрировав несостоятельность антирелигиозной политики советского руководства и неэффективность методов ее проведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационные отчеты о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совмине СССР по Гомельской области за 1950 – 1951 гг. // ГАООГО. - Ф. 144. – Оп. 42. – Д. –70.
2. Отчетно-информационные доклады о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ и религиозных культов при Совмине СССР по Гомельской области. 1955-1959 гг. // ГАООГО. - Ф. 144. – Оп. 60. – Д. 250.
3. Отчетно-информационный доклад о проделанной работе уполномоченного Совета по делам РПЦ и религиозных культов при Совмине СССР по Гомельской области за 1960 г. // ГАООГО. - Ф. 144. – Оп. 99. – Д. 101.
4. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах. / М. В. Шкаровский. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 423 с.